

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Попытки превентивного ограничения власти лидеров

- ГЛАВА I. Референдум
- ГЛАВА II. Постулат отречения
- ГЛАВА III. Профилактика синдикализма
- ГЛАВА IV. Профилактика анархизма

ГЛАВА I. Референдум

Наивысшим проявлением демократии в государственном праве является система мер, обеспечивающих народу право на референдум и самостоятельное вынесение решений, как, например, в Швейцарии. Сфера важных вопросов, для решения которых необходимо проводить референдум, утверждена законодательно. Законопроекты, выносимые на обсуждение представительными органами, так называемыми народными представителями, должны обсуждаться на народных собраниях, где они могут быть поддержаны или отклонены. Кроме того, граждане обладают правом прямой законодательной инициативы. Как только определенное конституцией количество граждан требует аннулирования существующего закона или принятия нового, это требование должно быть удовлетворено и вопрос должен быть вынесен на общенародное голосование. Эти важнейшие народные права дополняются, в том числе в Соединенных Штатах [505], народным правом избирать представителей исполнительных органов. И все же эти демократические меры на практике редко приводят к по-настоящему демократическим результатам: результаты массового голосования (референдум) демонстрируют низкий уровень социального и демократического сознания по сравнению с системой. Поэтому выдающиеся социалисты часто небезосновательно критикуют эту форму государственной демократии [506]. Несмотря на это, некоторые из них все же видят в референдуме решение всех государственно-правовых вопросов и работающее средство от естественной тенденции к олигархии, поскольку принятие законодательных решений переходит от представительских органов в руки гражданского общества [507].

Демократические партии также не используют – разве что в исключительных случаях и весьма осторожно – принципы прямого народного волеизъявления. С этой точки зрения в вопросах демократии они сильно отстают от многих швейцарских кантонов. К примеру, решения, выдвинутые на конгрессах немецкой социал-демократической партии, принятые делегатами от социал-демократических масс, не подвергаются обсуждению или критике со стороны партийного большинства. Решения принимаются в соответствии с количеством проголосовавших депутатов в отличие от Франции или Италии, где в первую очередь учитывается количество членов регионального отделения партии, которое представляет каждый отдельный депутат. Парламентаризм подменяет демократию. На ежегодном съезде каждый член социалистической партии имеет право вносить любое предложение по своему усмотрению. Но это право носит исключительно формальный характер. Постановления, выдвинутые отдельными депутатами, почти никогда не удостоиваются обсуждения и уж тем более никогда не принимаются. Поэтому таким правом пользуются лишь немногие. На партийных съездах для принятия постановления достаточно десяти подписей. Стоит упомянуть, что большинство социалистических партий далеки от соблюдения права законодательной инициативы, руководство партии обязано созвать чрезвычайный партийный совет, если этого требует определенное количество членов партии: в Германии – 15 избирательных округов, в Италии – 1/10 от общего количества членов партии [508], в Бельгии – два региональных союза или 20 отдельных партийных секций [509].

В Итальянской социал-демократической партии референдумы проводятся регулярно, особенно по тем вопросам повестки, обсуждение которых на предыдущем конгрессе не привело к однозначному решению. В период с 1904 по 1906 год руководство партии обратилось к этой мере четыре раза. На первый референдум был вынесен вопрос о том, имеет ли меньшинство право отделиться от большинства в региональной организации, чтобы сформировать собственный партийный отдел. Из 1458 секций ответ предоставили лишь 778 (166 высказались за, 612 – против). В следующий раз необходимо было узнать мнение партии о том, совместимо ли масонство с социализмом и разрешается ли членам партии оставаться членами масонской ложи. Количество участников этого референдума было весьма небольшим, однако большинство высказалось не в пользу масонов[510]. В оставшихся двух случаях обсуждение касалось частных региональных вопросов Милана и выбора места для проведения грядущего партийного съезда. Референдум, таким образом, применяется в Италии весьма осторожно и не пользуется значительным успехом. Профсоюзы Англии отказались от проведения референдумов, так как они приводили к политической дестабилизации и наносили ощутимый вред финансовой и административной системам[511]. В Германии из-за осторожности большинства выборы депутатов осуществлялись на основе предварительного голосования. Однако вскоре стало очевидно, что достаточными знаниями для участия в выборах делегатов располагают только те члены партии, которые принимали участие во встречах по партийным вопросам и знают, каких взглядов по этим вопросам придерживаются кандидаты. Как следствие, проведение референдума для выбора делегатов было признано опасной мерой, ведущей к потере контроля – партийного совета[512] над электоральным процессом. В Голландии, где референдум является официальной процедурой выбора руководства социал-демократической партии, несмотря на ожесточенные споры, взволновавшие высшие правительственные слои, на выборах в партийный совет 1909 года количество проголосовавших составило меньше половины от всей массы электората партии[513].

Историю референдумов в условиях демократии можно резюмировать следующим образом: редкие и с плохими результатами. К последним приводят прежде всего неумело сформулированные вопросы и недостаточная вовлеченность масс. Редкое прямое обращение к массам со стороны социал-демократии в отличие от частого использования этих средств буржуазной государственной системой Швейцарии противоречит главному требованию, которое социалисты выдвигают государству: требованию прямой законодательной инициативы, основанному на праве народа опровергать или поддерживать тот или иной законопроект. В партийной жизни этим требованием часто пренебрегают. В большинстве случаев демократические партии отвергают предварительное голосование и при этом апеллируют теми же аргументами, к которым чаще обращаются противники социал-демократии. В статьях, вышедших из-под пера социал-демократов, часто возникает иронический вопрос, допустимо ли во имя демократии полностью предоставить управление партией невежественным массам[514]. Консерваторы полностью разделяют это убеждение, с тем лишь исключением, что вместо «партии» они говорят о «государстве».

Референдум критикуют по тем же причинам, что и любую другую форму прямого народного управления (ср. ч. I, А, гл. 3). В случаях, когда необходимо принять срочное решение, референдум противоречит самой сути партии, снижает ее боеспособность. В наиболее серьезных обстоятельствах, когда необходимо определить отношение социалистической

партии к развязанной войне, принятию решения путем референдума будет препятствовать государство. Кроме того, партийному руководству часто удается ввести массы в заблуждение хитрыми формулировками вопросов, вынесенных на обсуждение[515], при этом руководство оставляет за собой монопольное право интерпретировать неточный ответ на неточно поставленный вопрос. Референдум в силу своего абсолютного характера и возможности отразить любую критику облегчает находчивым спекулянтам путь к власти. Жорж Санд называла плебисцит покушением на народную свободу, если только ему не будет противопоставлена компетентность масс[516]. Власть бонапартизма утвердилась в результате референдума[517]. К тому же такая избирательная форма приводит к возникновению стабильного чиновничества. История учит нас, что подделать результаты выборов не составляет труда[518].

Даже в том случае, если референдум проходит гладко, его результат не может считаться надежным и показательным, так как в нем нет силы, рожденной в ходе дискуссии. К тому же результаты референдума не в силах повлиять на исполнительную власть.

ГЛАВА II. Постулат отречения

Интеллектуальное или идеологическое влияние может если не спасти демократические убеждения лидеров от гибели, то хотя бы замедлить процесс их разрушения. «До тех пор пока власть и право представительства остаются в руках руководителей, до седи́н служивших великой традиции социализма»[519], другими словами, до тех пор пока над всем царит мощная, социал-демократическая идея, власть может сохранять демократические убеждения и остаться на службе у масс. Мы уже попробовали рассмотреть грубые меры по борьбе с обуржуазиванием пролетарских масс (см. ч. II, гл. 2). Но дело не только в борьбе с обуржуазиванием пролетариев, речь идет и о пролетаризации буржуазных членов партийного руководства. Чтобы уберечь социалистов, пришедших из кругов интеллигенции, от возвращения к своему прежнему окружению, от них требовали перенять жизненный уклад пролетарских масс и опуститься до уровня своих партийных соратников. Их властные инстинкты должны были быть искоренены через полное единение с пролетариатом.

Этот тезис уходит корнями в события народной истории. Совместный быт пробуждает симпатию и смягчает классовые противоречия. В равноправном государстве Парагвай, основанном и управляемом иезуитским орденом, те, кто находился под опекой ордена, чувствовали глубокое единение с угнетателями, так как разделяли с ними привычки жизненного уклада[520]. В годы Великой французской революции крестьяне штурмовали дворянские поместья, и только в Вандее два противоборствующих класса объединились в битве с революционной властью Парижа, так как в этом регионе патриархальная совместная жизнь, совместные обеды и совместные охотничьи походы психологически связали крестьян и господ [521]. По этой же причине в итальянских деревнях так редки случаи ярко выраженной ненависти к священникам, местному духовенству, добропорядочным, пусть и необразованным людям, которые не возвышаются в своем положении над остальным населением, разделяют с крестьянами жизненный уклад, а зачастую и тяготы бедности[522].

Чтобы предотвратить процесс возникновения авторитарной власти в демократических партийных организациях, предпринималось множество попыток и вносилось множество предложений, они касались как идейной, так и материальной стороны дела. Бакунин в своих рассуждениях об итальянских студентах описывает роль, которую должны сыграть юные перебежчики из буржуазии в лагере пролетариата, следующим образом: перед академической молодежью в рабочем движении ни в коем случае не стоит задача брать на себя обязанности лидеров, пророков, учителей или профессоров – обязанности Творца. Им надлежит стать «акушерами мысли, рожденной народом», придать необходимую ясность мощным, но еще несознательным народным стремлениям [523]. Бакунин ясно понимал, что в некоторых странах, таких как Италия и Россия, рабочее движение не может обойтись без

помощи буржуазных интеллектуалов, но хотел, чтобы те, кто по праву рождения принадлежит к естественным противникам социализма, подчинялись очень строгим правилам, поддерживая социалистические идеи. В этом отношении мы с полным правом можем считать Толстого его предшественником. «Образ жизни властвует над образом мыслей и определяет стремления воли». В этом выражении, которое отражает материалистскую концепцию истории, Бакунин определил свое отношение к поставленной проблеме: «...если человек, рожденный и воспитанный в буржуазной среде, хочет искренне и без лишних слов стать другом и братом рабочих, он должен отказаться от условий своей прошлой жизни, от всех буржуазных привычек, чувств и симпатий, решительно порвать с буржуазным миром и, повернувшись к нему спиной и объявив ему беспощадную, непримиримую войну, полностью окунуться, без ограничений и оговорок, в мир рабочих. Если его жажда справедливости не настолько сильна, чтобы внушить ему это решение и мужество, чтобы это сделать, то пусть не обманывается он сам и не обманывает рабочих: он никогда не станет их другом. В своих отвлеченных мыслях, мечтах о справедливости, в моменты раздумий, теоретических рассуждений и затишья, когда все внешне спокойно, он может стать на сторону эксплуатируемого мира. Но как только настанет момент великого социального кризиса, когда эти два мира, непримиримо враждебные друг другу, сойдутся лицом к лицу в пылу великой битвы, все его жизненные привязанности непременно бросят его в мир эксплуатирующий»[524]. То есть прежде всего Бакунин обращается к психологии «буржуазных социалистов», «академиков»: решающее влияние на внутренний мир оказывает внешняя обстановка. Самоотречение, самоотверженность, отказ от любых форм буржуазной жизни – в истории русской революции это необходимые качества для предводителя рабочего класса. В первом параграфе пресловутого «Катехизиса революционера» (1871) Нечаев провозгласил принцип, по которому революционер – «человек обреченный». «У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией». Это было стремление к нирване, намерение полностью забыть свою предыдущую буржуазную жизнь. Еще важнее воображаемого и внутреннего было внешнее, показательное самоистязание. Позже среди русских социалистов оно стало основой революционной деятельности, Бакунин охарактеризовал его как «полное погружение в жизнь народа»[525]. Таким самобичеванием был ознаменован довольно продолжительный период истории русского социализма: обычаем, довольно распространенным среди сторонников революции дворянского происхождения, была привычка «ходить в народ», слиться с пролетариатом, окунуться с головой в жизненный уклад рабочих. В этом состояла теория народничества, практические последствия которой были преисполнены великого идеализма. Отказавшись от общественного положения, отрекшись от всех преимуществ городской культурной жизни, в особенности от возможности продолжать учебу, и своей буржуазной карьеры, множество ученых, педагогов, женщин, еврейских студенток и благородных барышень отправлялись в забытые Богом деревни и там выполняли работу крестьян, обозных мастеров, слесарей, кузнецов и т. д., они знакомились с народом, стремились завоевать его доверие и в любых вопросах были советниками народа ради успеха революции[526]. Подобная политическая тактика, которой подвержены, вероятно, только убежденные идеалисты, да и то лишь в моменты коллективного душевного подъема, основывается на психологическом факте: наиболее опасные диктаторские тенденции партийных лидеров могут быть ослаблены, если не полностью подавлены, с помощью только одной профилактической меры, а именно через

искусственное создание социальной однородности в различных слоях революционной социалистической партии. Сходство в образе жизни, таким образом, становится средством моральной поддержки. То же сходство может предотвратить или, по крайней мере, замедлить развитие олигархии в рабочих партиях.

Сегодня на такое экономическое самоотречение, растворение в толпе решаются только некоторые романтично настроенные анархо-социалисты, да и то лишь в очень стыдливой, ограниченной форме[527]. Но идейное отречение от буржуазного миропорядка весьма широко распространено, оно принимает форму полного погружения в жизнь партии. На конгрессе гедистов в Северной Франции было установлено, что долг социалистического депутата – провести жизнь среди своих партийных товарищей[528]. В Германии существует запрет на работу в буржуазной прессе и запрет на участие в любых формах повседневной буржуазной жизни. Очевидно, что подобные меры касаются исключительно сферы идеологии и в лучшем случае могут привести к партийному фанатизму, но никак не способствуют приближению партийных членов к жизни масс.

ГЛАВА III. Профилактика синдикализма

Согласно доктрине синдикализма, революционный центр тяжести пролетариата должен быть перенесен с политической партии на профсоюзы, которые изначально носят политически нейтральный характер, но разделяют социалистические взгляды и цели партии. Синдикализм не исключает из системы рабочего движения организацию как принцип, но основывается на необходимости принципа организации. Им движет убеждение, что невозможно избежать опасностей организованной системы через упразднение организации, точно так же невозможно спасти человека от заражения крови или нарушенного кровообращения, выпустив из него всю кровь. Это методы доктора Айзенбарта, которые неизбежно приводят к смерти – в одном случае смерти человека, в другом – к смерти общественного и политического организма. Остается только найти подходящее средство, которое смогло бы по возможности уменьшить влияние неотъемлемого изъяна любой организации: власти меньшинства над большинством. Здесь мы видим политическое учение, среди приверженцев которого множество способных, образованных, великодушных людей, убежденных, что в синдикализме они смогут найти противоядие авторитарной демократии. Но мы должны задаться вопросом: как может противоядие олигархическим тенденциям в организации обнаружиться в методе, который сам по себе происходит из принципа политического представительства? Не находится ли этот принцип в неразрешимом противоречии с антидемократической сутью синдикализма? Другими словами, не подвержен ли синдикализм очевидной антиномии?

Огромное значение синдикализма заключается прежде всего в том, как ясно и глубоко он осознает опасности буржуазной демократии. С поистине научным скептицизмом он сорвал завесу, скрывающую государственную власть демократии, и показал, что на самом деле эта власть является не более чем гегемонией меньшинства, которая находится в острой оппозиции к нуждам рабочего класса[529]. «Демократия намерена продолжать эксплуатировать массовое производство, используя олигархию профессиональной интеллигенции» [530]. Борьба, которую международный синдикализм вел против немецкой социал-демократии, итальянской и французской интеллигенции, профсоюзов, созданных по государственному образцу, в конечном счете может быть сведена к борьбе с партийной демагогией.

Синдикализм, однако, ошибочно приписывает парламентской демократии недостатки, вытекающие из принципа делегирования полномочий и передачи мандатов в целом. Но чем усерднее синдикализм стремится сместить центр тяжести в сторону политики рабочего класса, тем сильнее опасность, что он сам превратится в олигархию. Даже в революционных профсоюзных организациях у лидеров часто появляется возможность одурачить массы. Казначей забастовки, секретарь профсоюза, даже участник заговора или оратор на

баррикадах с легкостью могут предать тех, кто вверил им мандат, и это предательство будет иметь гораздо более серьезные последствия, чем предательство члена парламента или члена городского совета[531]. Часто французские синдикалисты с отчаянным рвением настаивали на том, что так называемое прямое воздействие – единственный способ превратить рабочий класс в автономную массу, не представленную третьими лицами, и а priori исключить любое представительство, «которое может быть только предательством, отклонением или обуржуазиванием»[532]. Но они самовольно ограничивают свою одностороннюю теорию только политической партией, как будто подобные причины не могут иметь аналогичных последствий в профсоюзах, даже самых революционных. Они рассуждают так, как если бы на них самих действие универсальных социологических законов не распространялось[533]. Органическая структура профсоюзов основывается на тех же принципах, что и политическая рабочая партия: интересы рядовых членов профсоюза представляют специально избранные лица[534]. В решающие моменты борьбы за повышение заработной платы массы не представляют себя сами, их представляют другие. Профсоюзы без представителей, без какого-либо исполнительного органа власти немислимы и не существуют (см. ч. IV, гл. 5).

Порой управляющая должность в профсоюзе может стать переходным этапом, чрезвычайно благоприятным для политической карьеры. В немецком парламенте заседают 35 профсоюзных руководителей, в английском – 17. Во Франции заместителями председателя стали два первых постоянных секретаря союза металлургов[535]. Забастовка – прямое действие пролетариата, которое синдикалисты рассматривают как панацею от всех недугов рабочего движения, – предоставляет тем, кто заинтересован в политике, выдающиеся возможности в нужном свете продемонстрировать свои организационные таланты и лидерские способности. То же относится и к политической – всеобщей – забастовке[536]. Для профессиональных лидеров рабочего класса экономическая забастовка часто оказывается тем же, чем война оказывается для профессиональных солдат [537]. Обе представляют собой хорошую возможность для стремительного и головокружительного карьерного роста. Многие лидеры рабочего движения добились чрезвычайно почетных и прибыльных должностей благодаря тому, что провели большую забастовку и привлекли внимание общественности и правительства (см. ч. IV, гл. 5). Своим политическим статусом англичанин Джон Бернс обязан не в последнюю очередь тому, что во время большой забастовки лондонских докеров в 1889 году он заслужил общественное признание как выдающийся стратег и руководитель забастовки. В результате ему удалось завоевать доверие важных представителей организованного рабочего класса, что позже помогло ему перебраться из своего скромного рабочего домишки в резиденцию королевского министра[538]. Один из множества примеров того, как часто забастовка, вместо того чтобы быть полем деятельности равноправных масс, скорее способствует процессу дифференциации и приводит к формированию элиты лидеров[539]. Синдикализм – это партия войны в еще большей степени, чем социал-демократия. Он любит масштабные боевые действия. Стоит ли удивляться тому, что ему власть нужна еще больше, чем ей [540]. В определенных условиях достаточно теоретической пропаганды одной идеи забастовки и прямого действия, чтобы обеспечить предводителям масс власть и влияние, поднять их на плечи толпы, опираясь на которые они смогли бы срывать золотые яблоки с древа жизни. Аристид Бриан, родившийся в Нанте в семье мелкого торговца, вступил в парижское отделение социал-демократической партии и стремительно приобрел славу и

власть среди рабочих как защитник и сторонник всеобщей военной забастовки. Вскоре на волне этой популярности ему удалось занять министерское кресло в Национальном собрании[541]. Отправной точкой его триумфального шествия можно считать нантский профсоюзный съезд (1894)? где он добился включения идеи о всеобщей забастовке в программу французских профсоюзов. Для Бриана так важно было утвердить свой интеллектуальный пролетариат, что он даже хвастался перед своими товарищами, представителями рабочего класса, что слишком беден, чтобы позволить себе хотя бы мебель [542].

Синдикалисты отвергают бюрократическую систему демократического представительства и хотят установить «более агрессивную тактику революционной армии свободы под руководством лидеров, доказавших свою ловкость». Современный руководитель рабочих не имеет права быть бюрократом. Уже сегодня из ниоткуда появляются великие вожди забастовки, как до них появлялись великие вожди революции[543]. Если бы эта точка зрения соответствовала фактам истории (см. ч. V, гл. 3), она могла бы стать лишь генетическим объяснением возникновения власти. Но она могла бы дать больше, если бы смогла доказать, что лидеры забастовки, которые вышли из ниоткуда и необходимость которых не вызывает сомнений, снова исчезнут после ее завершения. Но в действительности мы видим, как они используют свое выигрышное положение, чтобы добраться до постоянного места у власти. Ни одна система забастовок не решится убить дракона демагогии или хотя бы попытаться предотвратить возникновение независимого руководства (см. ч. IV, гл. 5).

Синдикализм враждебно относится к демократической политике социалистической партии и профсоюзам, поскольку считает, что их демократия – лишь карикатура на основополагающий принцип рабочего движения, на демократической земле они собирают плоды олигархии. Ни одно другое движение так энергично не опирается на право и способность масс к самоуправлению, как синдикализм. В тех странах, где рабочее движение находится во власти синдикалистов, например во Франции, они с особым рвением настаивают на том, что их полномочия ограничены выполнением решений, принятых на независимых партийных собраниях. По их словам, Генеральная конфедерация труда, которая заседает в Париже, – не управляющий орган, а инструмент для координации и расширения революционной деятельности рабочего класса. Конфедерация в одинаковой степени далека от централизма и авторитаризма[544]. Любой импульс исходит со стороны масс, интересы которой она и представляет. Во время забастовки власть Конфедерального комитета не выполняет директивных функций, но распространяет идеи солидарности, *suractivite* и *polarisation* [545]. Но это теория. На практике же при решении любых важных вопросов массы ждут указаний сверху, а если их нет, сидят сложа руки[546].

Как и в любых группах, для которых характерна демонстративная демократическая идеология, в среде синдикалистов господство лидеров часто принимает завуалированные формы. Во Франции лидерам профсоюзов запрещено баллотироваться на выборах депутатов, поскольку они должны быть защищены от любых нечистых контактов. Они должны сохранять постоянную связь с массами, а их деятельность должна быть полностью прозрачна. Но их положение часто обязывает – в интересах профсоюзов – вступать во взаимоотношения с государственными органами, поэтому их антипарламентская позиция

зачастую сводится лишь к переносу переговоров с открытого, хотя бы отчасти доступного подчиненным пути парламента в его потайные задние комнаты[547].

У лицевой стороны «массовой теории» синдикализма есть весьма любопытная изнаночная сторона. В профсоюзные организации, как правило, вступает наименьшая часть организованных партийных масс: 11 % в Италии, 23 % в Англии, 43,21 % – самый высокий процент – в Швеции. Лишь меньшинство организованных рабочих принимают активное участие в жизни союза. Синдикалисты одновременно восхищаются этим фактом и сожалеют о нем, руководствуясь не вполне логичными соображениями. Они счастливы избавиться от мертвого груза безразличия и незрелости[548]. Возможно, в основе такого отношения лежит старая бланкистская идея, что многочисленные и идейно неоднородные массы из-за своей неповоротливости парализуют любую деятельность, а на борьбу способно лишь просвещенное меньшинство.

Если бы синдикалисты были достаточно последовательными, они пришли бы к выводу, что массовое движение современного пролетариата непременно должно быть делом меньшинства просвещенных пролетариев. К этому положению, однако, синдикалисты в соответствии с описанными основными демократическими тенденциями нашего времени относятся с большой осторожностью. Подобная теория привела бы синдикалистов к противоречию с демократией, вынужденному отказу от демократических принципов, они оказались бы вынуждены объявить свое движение олигархической системой. Теоретически олигархия заключается не во власти лидера над массами (социал-демократия), а во власти небольшой части массы, меньшинства, над большинством. Некоторые теоретики синдикализма открыто заявляют, что его успешное развитие обеспечивают действия рабочих элит[549].

Олигархический характер синдикалистского движения наиболее ярко проявляется в требовании, причины которого не имеют отношения к демократии, – абсолютного подчинения со стороны масс. «Равнодушные, просто игнорируя тот факт, что они не сформулировали свои требования, должны молчаливо соглашаться с принятыми решениями»[550]. Следуя примеру реформистских профсоюзов Германии и Англии, французские профсоюзы, вдохновленные доктриной синдикализма, придерживаются принципа, согласно которому организованные рабочие обязаны отдавать приказы неорганизованным. Стоит признать, что высшие органы французского рабочего движения не обладают такими обширными полномочиями, которыми располагают соответствующие инстанции в других странах, прежде всего в Германии. Эту разницу можно объяснить различными причинами, например национальным характером французов, слабостью организаций и т. д. Здесь теория тоже значительно расходится с практикой. Во Франции лидеры в первую очередь оказывают мощное влияние на соратников по партии через газеты, которые, как известно, редактируют не народные массы. Кроме того, существует целая группа «младших командиров». Число профсоюзных активистов, состоящих в конфедерации, составляет приблизительно 350 тысяч человек, число подписчиков центрального печатного органа конфедерации – *Voix du Peuple* – не превышает 7 тысяч. Первых называют «самыми активными борцами, членами профсоюзных отделений и торговых советов... Благодаря их посредничеству распространяются идеи конфедерации»[551]. Мы видим, как открыто признается распределение властных

отношений, которое по сути противоречит теории синдикализма. Даже всеобщая забастовка задумывалась во Франции как иерархическая процедура. На упомянутом съезде в Нанте (1894) была принята резолюция, которая утверждала, что всеобщая забастовка должна быть подготовлена заранее центральным комитетом, состоящим из одиннадцати членов, а также целым рядом местных подкомитетов, которые должны были объявить о начале забастовки и руководить ее дальнейшим развитием. Сегодня синдикалисты считают подобный подход якобинским[552]. Но тем не менее они вынуждены ему следовать, несмотря на очевидное теоретическое противоречие. В работах некоторых французских писателей-синдикалистов, склонных к эстетике, таких как Эдуард Берт, мы видим, как в этой теории прорастает зерно якобинства[553].

Чем сильнее становится влияние синдикализма во Франции, тем ярче в нем проявляются последствия, вызванные системой представительств в целом. Возникает власть, чья чувствительность к критике со стороны товарищей может сравниться только с чувствительностью лидеров английских профсоюзов[554]. В действительности юный синдикализм, возникший из оппозиции авторитарной власти, никак не может избежать влияния олигархических тенденций. Для них высший закон – это сохранение собственной власти. Ради нее они отказались от старой тактики активной агитации и героической, пророческой риторики, которой они следовали на протяжении многих лет. Вместо нее принят принцип осторожности – и дипломатической сдержанности[555].

ГЛАВА IV. Профилактика анархизма

Анархисты были первыми, кто указал на иерархию и олигархию как неизбежные последствия любой партийной организации. Анархисты куда лучше, чем социал-демократы или даже синдикалисты, осознают негативные последствия, к которым приводит организация. Они сражаются против авторитета власти, так как видят в нем главный источник несвободы и рабства, начало всех бед человечества. Любое принуждение для них «то же, что тюрьма или полиция» [556]. Им хорошо известно, как социализм подчиненных оказывается ограничен и парализован индивидуализмом лидеров. Чтобы избежать этой очевидной для них опасности, анархисты, несмотря на связанные с этим практические неудобства, отказались от создания партии, по крайней мере в строгом смысле этого слова. Последователи анархизма формально ничем не ограничены. Их не объединяет никакая дисциплина. Им ничего не известно об обязанностях и достижениях, например о выборах, денежных взносах, участии в регулярных собраниях и т. д.

Следствием этих особенностей является то, что типичный руководитель анархистов значительно отличается от типичного лидера социал-демократической партии, сформировавшегося за последние 35 лет. Анархизм не располагает партийной организацией, которая могла бы предложить своим членам выгодные позиции и не стремиться к выгодам на пути парламентаризма. Гораздо меньше сопротивления, меньше соблазнов, меньше поощрения частных амбиций. Это вполне естественно и следует из учения о среде: в руководителях анархизма гораздо заметнее, чем в руководителях социал-демократической партии, проявляются идеальные лидерские качества. Анархисты оторваны от политической практики со всеми ее страстями, прихотями и соблазнами, следовательно, они более объективны в своих суждениях о личностях и явлениях, они созерцательны, замкнуты, но в то же время мечтательны и оторваны от реальности. Среди лидеров анархистов множество образованных, обязательных и скромных людей, которые не утратили способности к настоящей дружбе и которым хватает времени культивировать и питать эти чувства: искренние и глубоко мыслящие люди – Петр Кропоткин, Элизе Реклю, Кристиан Корнелиссен, Эррико Малатеста и многие другие, менее известные их соратники[557]. Но, несмотря на то что лидеры анархистов, как правило, морально превосходят лидеров организованных партий, работающих на политическом поле, им свойственны некоторые качества и претензии, характерные для всех без исключения лидеров. Это подтверждает психологический анализ индивидуальных особенностей каждого из них. Теоретическая борьба против любого авторитаризма, против принуждения, которой многие выдающиеся анархисты посвятили большую часть своей жизни, не подавила в них естественное стремление к власти. Методы власти лидеров анархизма относятся к той эпохе, которую остальные политические партии уже пережили. Это методы апостолов и ораторов: пылающая сила мысли, величие самопожертвования, глубина убеждений[558].

Власть над умами вместо власти над организацией и технической необходимостью.

Но, отказываясь от создания политических партий, анархисты тем не менее придерживаются принципа организации в сфере экономики[559]. Некоторые из них открыто признают необходимость технического руководства массами[560], в то время как другие убеждены, что достаточно ограничить функции лидеров исключительно административной работой, чтобы раз и навсегда устранить различия между лидерами и подчиненными, столь опасные для организации [561]. Как будто технического и административного превосходства лидеров недостаточно, чтобы установить превосходство над массами во всех остальных сферах. Даже Бакунин не предлагал упразднить принципы организации или дисциплины. По его мнению, они должны были проявляться добровольно, а не машинально[562]. Он представлял себе воплощение анархизма в форме федерации постоянных баррикад и предложил создать совет революционной коммуны, состоящий из делегатов, имеющих императивный мандат, по одному или двум от каждой баррикады или по одному от каждой улицы или квартала. Общинный совет, сформированный таким образом, назначает из числа своих членов специальные исполнительные комитеты для всех направлений революционной администрации коммуны. Столица, осуществив успешное восстание и реорганизовавшись как коммуна, объявила бы затем другим регионам страны, что не претендует на какое-либо превосходство над ними, но призывает их к революционной организации и просит отправить своих делегатов на согласованный съезд, чтобы создать федерацию повстанческих объединений, коммун и провинций и тем самым сформировать достаточно сильную оппозиционную власть, способную противостоять любому реакционизму. Маркс, однако, справедливо заметил, что подобные исполнительные комитеты, для того чтобы добиться хоть чего-то, должны быть наделены определенными властными полномочиями и поддерживаться государственной властью. Федеральный парламент имел бы смысл только в том случае, если бы смог организовать государственную власть. Такой парламент, как и общинный совет, мог бы делегировать свои исполнительные полномочия одному или нескольким комитетам, тем самым наделая их властью в зависимости от потребностей борьбы. Одним словом, весь проект Бакунина пронизан авторитаризмом [563].

Среди анархистов, как и среди синдикалистов, «прямое действие» ценится как «этический принцип», который «противоречит тактике переговоров, взаимных компромиссов, иерархической организации и представительской системе, может обеспечить рабочим более высокий уровень жизни, освободить пролетариат от капитализма и политической централизации благодаря незамедлительной взаимопомощи»[564]. Несмотря на это, анархизм, движение за свободу, основанное на неотъемлемом праве человека на собственную личность, как и социал-демократическая партия, поддается закону авторитаризма, как только покидает область свободных взглядов и его приверженцы объединяются в союзы, преследующие политические цели[565]. Ф. Домела Ньивенхёйс, ветеран анархического социализма с откровенно индивидуалистическими склонностями, остро осознавал опасности, которыми анархизму грозит любой контакт с практической жизнью. На амстердамском конгрессе 1907 года в связи с основанием нового, анархистского Интернационала он высказался против аргументов итальянского анархиста Эррико Малатесты, последователя Бакунина. Малатеста, упомянувший власть буржуазного общества, сказал, что для буржуазии нет ничего лучше, чем столкнуться с

неорганизованными массами трудящихся, и потому необходимо противопоставить могущественной организации богатых еще более мощную организацию бедных. В ответ на это Ньивенхёйс заявил: «Если ты в этом так уверен, дорогой друг, отправляйся к социал-демократам, они твердят то же самое»[566].

Согласно нашим источникам, на этом первом анархистском съезде уже проявились симптомы того дипломатического менталитета, который характерен для всех авторитарных партий. Острогорский предложил заменить партийную организацию, которая неизбежно ведет к антидемократическим формам, системой временных объединений, которые должны существовать только для достижения определенных целей и должны быть распущены, как только эти цели будут достигнуты (лиговая система)[567]. Но даже если бы мы смогли просто упразднить сформированные в ходе истории партийные формации, подобное предложение вряд ли оказалось бы продуктивным. Нет никакого сомнения: анархизм представил нам наиболее абстрактное и идеалистическое видение будущего, пообещал миру порядок, из которого исключена любая концентрация власти, но оказался неспособен логически объяснить существование такого порядка[568].